Мича Милованович

Молитва за отца Прохора

Мича Милованович
Молитва за отца Прохора

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24915598
Молитва за отца Прохора: Индрик;
ISBN 978-5-91674-388-3

Аннотация

Это исповедь умирающего священника – отца Прохора, жизнь которого наполнена трагическими событиями. Искренне веря в Бога, он помогал людям, строил церковь, вместе с сербскими крестьянами делил радости и беды трудного XX века. Главными испытаниями его жизни стали страдания в концлагерях во время Первой и Второй мировых войн, в тюрьме в послевоенной Югославии. Хотя книга отображает трудную жизнь сербского народа на протяжении ста лет вплоть до сегодняшнего дня, она наполнена оптимизмом, верой в добро и в силу духа Человека.

Содержание

Пролог. Доктор Крлянац 5
Сказания отца Прохора 9
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Мича Милованович
Молитва за отца Прохора

© Мича Милованович, Текст, 2007
© Издательство «Индрик», 2016

* * *

Пролог. Доктор Крлянац

В августе 1992 г., когда я занимал должность заведующего терапевтическим отделением больницы г. Чачак, в отдел гастроэнтерологии поступил пожилой человек с заболеванием печени. После того как мы провели все необходимые анализы крови, мочи и стула, а также ультразвуковое исследование и рентген, был поставлен диагноз, который гласил: cirozis hepatitis. Заболевание действует деструктивно на ткани печени и нарушает функции других органов. Мы предприняли все, чтобы облегчить, хотя бы в какой-то мере, его страдания, что нам в некоторой степени удалось.

Через несколько дней ко мне подошел один из санитаров и сказал:

– Доктор, я хотел бы обратить ваше внимание на этого старого монаха.

– Разве он монах? – Спросил я его. – А почему ты хочешь обратить на него мое внимание? Мы и так делаем для него все возможное.

– Яне имел в виду медицинские назначения, в ваши дела я не могу вмешиваться. Я имел в виду совсем другое – необыкновенную жизнь этого человека.

– Пациентов с «необыкновенной жизнью» я в своей практике встречал неоднократно. Не знаю, что еще я могу сделать для старика.

– Было бы правильно, если бы вы немного поговорили с ним, – сказал санитар.

– Ну, для таких вещей у меня нет времени. Дел выше головы, тем более что из-за санкций у нас даже основных лекарств не хватает, куда мне еще слушать старческую болтовню, – сказал я решительно, чтобы отделаться, наконец, от назойливого санитара.

– Как хотите, доктор, но думаю, что вы совершаете ошибку, – сказал он и ушел.

Следующие дни я посвящал старику ровно столько внимания, сколько любому другому больному в таком же состоянии. Санитар со своими советами больше ко мне не подходил. На том бы, вероятно, все и закончилось, но неожиданно ко мне обратился доктор Дабович из глазного отделения и сказал:

– Как там отец Прохор? Ему хоть немного лучше?

– Ты говоришь об этом монахе?

– Да, именно о нем. Я его осматривал несколько раз по поводу катаракты, если состояние не улучшится, придется его оперировать.

– Так ты знаком со стариком? – спросил я коллегу Дабовича.

– В некотором роде. Но и то немногое, что мне о нем известно, просто невероятно.

– Так ты с ним разговаривал?

– Немного, у меня он был недолго. Больше я узнал от дру-

гих. Я к тебе, собственно, из-за этого и пришел.

– Слушаю, – я говорил нетерпеливо из-за дел, которые меня ожидали.

– Поскольку у тебя в отделении он задержится подольше, ты мог бы воспользоваться моментом и записать его рассказы, если он захочет говорить.

Так все и началось. Я послушался совета коллеги и, благодаря содействию санитара, дальнего родственника старика, я начал записывать рассказы о его незаурядной жизни. Кассетофон ежедневно стоял на столике у кровати отца Прохора.

Однако вскоре мне стало ясно, что шестиместная палата, где присутствуют другие больные, – неподходящее место для нашего разговора (вернее, его монолога, поскольку я в основном выступал в роли слушателя). Я приказал переместить необычного пациента в двухместную палату, в которой второе место оставалось незанятым. Его история с первых же дней настолько захватила меня, что я не мог дождаться продолжения. Я даже, оправдываясь перед семьей неотложными делами, посещал его в выходные, а бывало, и задерживался после окончания рабочего времени.

Однажды в самом начале нашей беседы в палату вошла женщина средних лет со шрамами на лице, в очках с затемненными стеклами. В руках она держала апельсины и пачку печенья. Подошла к отцу Прохору и поцеловала ему руку. Я тут оке выключил запись и вышел. Уверен, я бы сразу вы-

кинул ее из памяти, если бы на следующий день старик не сказал: «Когда-нибудь я расскажу вам о судьбе этой женщины». Но сделал он это только под конец своей исповеди, спустя почти два месяца.

Все, что зафиксировала магнитофонная лента, вы можете прочесть на страницах, которые следуют далее.

Сказания отца Прохора

Доктор, с тяжелым сердцем я согласился рассказывать вам о себе. Боюсь, нет у меня на это ни времени, ни сил. Делаю это лишь из уважения к вам и к доктору Дабовичу, которому я благодарен за все, что он для меня делает, так что в его просьбе я не мог отказать. Я ваш должник до самой смерти.

Всякий человек свою земную жизнь проживает так, как ему определил Господь, так же и со мной. На свет я появился в день святого архангела Гавриила 13-го июля (по новому календарю 26-го) лета Господня 1897. Значит, в нынешний 1992 исполнилось девяносто пять лет моему грешному скитанию по этому свету. Родился я четвертым ребенком от отца Никодия и матери Даринки. Всего мои родители произвели на свет десятерых детей, из которых двое предстали перед Богом прежде, чем смогли осознать этот мир. Рождались в следующем порядке: Теован лета Господнего 1887, Рисим 1889, Евдокия 1893, я, грешный Йован, 1897, Йоксим 1889, Живадин 1901, Томания 1903 и Агатия 1906. Те двое, что рано умерли, родились где-то в промежутке между нами. Следовательно, у наших родителей было пятеро сыновей и три дочери. В те времена женщины рожали много детей, ведь это был единственный способ уберечь сербский народ от исчезновения во время многочисленных войн и болезней.

Наш отец Никодие в 1914 ушел на войну по третьему

призыву, швабы взяли его в плен и отправили в лагерь Ашах, прославившийся особенно жестоким режимом, где он и умер. Брат Теован погиб во время войны с болгарами в 1913 в Райчанских болотах у реки Брегальница, Рисим в 1914 погиб на Мачков-Камену, а Живадина болгары убили в нашем селе в 1943. Сестры Евдокия, То мания и Агатия повыходили замуж в ближайшие села. Потом Томания скончалась вслед за погибшим сыном, а из всех братьев старость встретили только Йоксим и я.

Возблагодарим Господа, и когда дает, и когда отнимает, и когда ласкает, и когда бьет. За все, что исходит от Него, мы благодарны Ему. Теован оставил после себя двух сыновей и дочь. Рисим погиб неженатым, и все, что осталось от него, – одно лишь имя на мраморной плите на портале нашей церкви, недолговечная запись на колышущихся листках времени. Потому что все человеческое ничтожно и преходяще, век одного человека пролетает, как облако через небеса. Я в жизни не имел потомства. У Йоксима было три сына, а у Живадина – три дочери.

Еще ребенком я устремился Христовым путем истины. На одном участке нашей земли, на так называемой Волчьей Поляне[1], с незапамятных времен сохранились развалины церкви в зарослях бурьяна и колючек. О ней нет никаких сведений, неизвестно ни когда возведена, ни когда разрушена. Было это небольшое строение, семь на пять метров. Об этой

---

[1] Вучја Пољана.

церкви в народе ходят легенды.

И сколько помню себя, мою детскую душу на том месте освещало некое чудесное сияние, какое-то божественное озарение. Там, на солнцепеке, я пас коз и часто оставался в одиночестве и задумчивости. Иногда меня охватывало сильнейшее желание заночевать хоть раз на этом месте, но из-за страха темноты с тяжелым сердцем я отказался от этого замысла. Больше всего терзало меня желание узнать все о пострадавшем храме, и вот однажды мой дед Аксентий поведал мне народное предание, которое гласило:

Деспот[2] Стефан Лазаревич, правитель земли сербской, сын великомученика князя Лазаря, часто отправлялся на охоту. И вот однажды он со своей свитой оказался в наших лесистых и дичью богатых краях. Во время охоты прямо на него выскочила лань. Но как только он прицелился, лань заговорила и умоляла не убивать ее. Не обращая внимания на ее мольбы, деспот натянул лук и ранил ее стрелой. Когда же он подошел к ней, она, окровавленная, вскочила и превратилась в девушку в черной одежде и произнесла: «Ты горько пожалеешь об этом!» Сказала и исчезла в чащобе.

Оправившись от удивления, правитель приказал свите скакать за девушкой и разыскать ее. Те разлетелись по сторонам, но не смогли принести господину добрых вестей. Его это еще больше напугало, и он решил оставаться на месте, пока не найдется раненая лань. Дни шли за днями, а о ране-

---

[2] *Деспот* – титул средневекового монарха в Сербии.

ной лани ни слуху, ни духу. Тогда он приказал пустить на поиски соколов и гончих собак. И вскоре один из соколов принес в клюве золотой крестик, залитый кровью, и бросил его деспоту на колени. Это так потрясло правителя, что он больше не пускал никого к себе в шатер, а по ночам сон покинул его.

Одной бессонной ночью, тоскуя, он вышел из шатра и окаменел от увиденного: все его стражники были мертвы! При его появлении соколы заклекотали, лошади заржали, а гончие залаяли. В тот же миг из темноты вынырнула змея и ужалила в ногу его коня, отчего тот сразу умер. В отчаянии деспот пошел на поиски хоть кого-нибудь живого. И вдруг пред ним появилась женщина в черном с нимбом над головой и сказала ему: «Меня ты можешь не бояться, но бойся Господа, ты совершил страшное деяние – ранил воспитанницу Огненной Марии! Божий суд тебя покарает, если к исходу третьего дня, на закате, на этом месте церковь не построишь и в своем грехе не покаешься. Если не выполнишь это, тебя и твой народ ждет страшное наказание: ты потомства иметь не будешь, однажды на охоте пред Господом предстанешь, а народ твой столетиями будет в рабстве томиться. Пусть тебе мой крестик служит напоминанием, а как церковь построишь, схорони его под святым алтарем». И женщина исчезла.

Услышав это, деспот тут же приказал послать глашатаев во все концы на поиски мастеров, чтобы на этом месте церковь построить. Вскоре многие съехались, и началось стро-

ительство. Одни лес секут, другие камень волокут, третьи строят, четвертые святые лики пишут. А властитель мастерам чего только не обещал, лишь бы с храмом не опоздать. Работа шла быстро. И когда на третий день солнце за леса опустилось, церковь была готова, небольшая, но красивая. Но крест на нее еще не поставили. И пока его ставили, ночь сошла и на лес, и на церковь. Опоздали. Божий суд во всем исполнился: деспот Стефан никогда потомства не имел, однажды на охоте дух испустил, а народ сербский на века в рабство попал. Потом чужестранные нехристи церковь спалили.

Слушал я тогда деда, и во мне возникло страстное желание то богомолье когда-нибудь восстановить, не знаю ни когда, ни как. Через пятнадцать лет, когда мечта моя осуществилась, я даже не ожидал, какая награда меня ожидает: милость Божья, что через жизнь меня проведет, и благосклонность девушки в образе лани, подопечной великой святой.

Вы поймете, доктор, когда до конца, если Бог даст, дослушаете, как все это мою судьбу определило. Ведь и мне когда-то, еще в семилетнем возрасте, во сне явилась Огненная Мария, которой тот храм был посвящен. И указала она мне, где именно я смогу отыскать крестик, залитый кровью, что бросил сокол на колени деспоту. Еще мне сказала, чтобы об этом никому не рассказывал, а тот крестик всегда с собой носил, потому что он меня от всякого зла убережет.

Уже на следующее утро, сторожа стадо, я занялся поисками крестика, как мне святая велела – на месте, где когда-то

был святой алтарь, в маленьком серебряном потире, завернутом в зеленое сукно, сокрытом наслоениями земли и камней. Рядом со мной в то утро никого не было, и я своими слабыми руками начал разгребать то, что веками копилось. Долго я так копал, но ни следа потира не нашел. Вдруг из развалин выползла пестрая змея, я испугался и убежал. И до того мне было жаль, что не нашел я крестика!

На следующую ночь святая вновь ко мне во сне явилась и говорит: «Ты искал в неправильном месте, алтарь был в другом конце храма. А змеи не бойся, она вечный сторож разоренного храма, будут к тебе благосклонны и змея, и лань. Завтра иди за змеей, она отведет на верное место».

До конца ночи я от волнения глаз не сомкнул. Встал пораньше скотину на пастбище выгнать, а мать увидела меня и говорит: «Куда это ты, сынок, ни свет ни заря? Не рано ли стадо пасти?» А я ей на это: «Матушка, хочу, чтобы стадо пораньше напаслось, пока жара не печет». А сам на Волчьей Поляне на развалинах сразу же взялся за работу. Копаю, а змеи-то нет, чтобы отвела меня к кресту. Сел я, грустный, на камень, не зная, что же мне дальше делать. И тут из бурьяна появилась змея. Она подняла голову и поползла, а я за ней, полон страха. Когда добрались до восточной части храма, змея свернулась клубком, положила голову себе на хвост, глядя прямо на меня. Я понял, что она показывает мне, где надо копать.

Потом змея медленно поползла и исчезла в чаще. А я,

взволнованный, начал копать изо всех своих слабых сил, и вскоре мои пальцы нащупали небольшой толстобокий сосуд. Я вытащил его и в сосуде обнаружил крестик, завернутый в зеленое сукно! Возликовала душа моя, заиграло сердце! Словно некое небесное озарение захлестнуло все мое существо.

Дорогой доктор, посмотрите на мою ладонь, в ней божественный символ – тот крестик, который я откопал в далеком 1904-м году на руинах храма в моем родном краю. Тогда, семилетним ребенком, я не мог предвидеть, что это Знамение Христово через всю мою долгую, полную страданий жизнь будет сопровождать меня верой и правдой вплоть до сегодняшнего дня.

Возьмите его в свою руку, дорогой мой доктор! Прикасаясь к нему, вы прикасаетесь к неуничтожимой нити божественной истины длиной в две тысячи лет. Тем далеким утром на руинах храма я трижды перекрестился и трижды поцеловал этот крест, а потом трижды обежал вокруг стен.

А сейчас, пока меня не скрутила боль, хочу рассказать вам вот что. На третью ночь вновь во сне посетила меня святая и сказала: «Крест береги, никогда с ним не разлучайся. На святом месте тебе иногда покажется лань, моя раненая подопечная, или змея, вечная хранительница моего храма. Их сможешь видеть только ты, для других еще время не настало».

Доктор, насколько я знаю, те Божьи творенья никто из лю-

дей так и не видел, не знаю, когда придет нужное время. А в ту ночь Огненная Мария сказала еще: «Когда настанет час с братьями делить отцовское наследство, проси для себя только тот кусок земли, где храм разрушенный, а им остальное отдай. И постарайся из руин поднять заново церковь, давным-давно нехристями разрушенную. Это будет богоугодное дело, и Господь тебя за то великодушно наградит».

В тот же день, вернувшись с пастбища, я предстал перед отцом и произнес:

– Отец, когда я вырасту и когда ты будешь между нами, твоими сыновьями, добро делить, мне отдай только участок на Волчьей Поляне.

– Что ты говоришь, сынок? – воскликнул отец. – Неужели из всего, что мы имеем, ты возьмешь лишь солнцепек, на котором только змеи и ящерицы плодятся, где скотинке и пощипать-то нечего?

– Отец, прошу тебя исполнить эту просьбу, – повторил я, упорствуя в своем намерении.

Тогда, обеспокоенная, подскочила ко мне матушка и говорит:

– Йово, цыпленок мамочкин, на что же ты жить-то будешь, семью свою кормить?

– Да как-нибудь выкручусь, – отвечаю.

– Рано сейчас об этом говорить, – сказал отец. – Ты еще мал, а вырастешь и передумаешь.

Так и закончился тот давний разговор. Сразу после него в

лесу неподалеку от развалин я видел лань, утоляющую жажду у источника. Посмотрела она на меня и, прихрамывая, удалилась в лес. Подобных животных никто в наших краях никогда не видел. А уже следующей ночью мне приснилась девушка в черном. И говорит мне она: «Я – та самая лань, которую когда-то на охоте ранил всемогущий властитель. Я воспитанница святой Огненной Марии. Молю тебя, когда вырастешь, восстанови храм, чтобы душа моя, наконец, успокоилась».

Эта девушка и позже мне являлась, но только во сне, а лань раненую я видел и наяву. Обе они появлялись накануне судьбоносных моментов в моей жизни и в переломные моменты сербской истории. Огромная змея предо мной возникала, когда я возвращался из дальних мучительных странствий. Огонь при пожаре трижды горевшего храма не смог причинить ей вреда.

А свое решение о наследстве я так никогда и не изменил. Для меня этот участок скудной, окруженной лесом земли навсегда останется вписан в богослужебные книги моего существования, в мои молитвы Господу и веру в его истину. Но об этом мне еще предстоит рассказать.

В школу я пошел в 1904 году, когда королем провозгласили Петра Карагеоргиевича, внука Черного Георгия. Как только я немного подрос, стал ходить на службу в нашу приходскую церковь и в монастыри в ущелье Овчара и Каблара. Со временем я стал певчим, а потом чтецом в храме Святой

Троицы. Монастырская братия и старейшины хорошо меня приняли.

Вопреки сопротивлению родителей, я ушел из дома и посвятил себя служению церкви, и в этом быстро продвигался. Несмотря на молодость, я приобрел авторитет среди священников, так как был скромен и послушен. При этом успевал и родителям помогать в их тяжком крестьянском труде – и в поле, и со скотом, и на лугах, и в виноградниках.

Затем я вознамерился поступить в духовную семинарию в Призрене, в прошлом то был царский город. Родители с пониманием отнеслись к этому и дали мне разрешение. Но разразилась большая война, и в 1915-м меня, восемнадцатилетнего, отправили защищать Отечество. Для сербского народа это была третья война подряд. В тот год на Сербию набросились три врага, рубя мечом и сжигая огнем. На нас напали швабы, немцы и болгары. Кровь и пепел – вот знамение того страшного времени. На наш народ обрушилась огромная боль, горечь разрушенных надежд. Перед этим в 1913 г. погиб мой брат Теован в бою с болгарами, а в 1914-м – Рисим в бою со швабами.

Мой полк швабы взяли в плен у Призрена. Это случилось глубокой осенью, перед наступлением зимы. Нелюди, нищие духом, гнали нас длинными колоннами. Мы шли в разодранной одежде, голодные и промерзшие. Сердца сжимались, изболевшись от злобы бездушных врагов. Наши прежние песни – свадебные, пастушьи, песни жнецов – слились в мно-

гоголосье стонов и плача. Вражеский сапог растоптал все, что для сербов было свято. Господу судьбу свою вверяем и на него надеемся. Милость и истина на лице Его светлом. И я в колонне тихонько читаю молитву Всевышнему: «Господи, сподоби нас убоятися. Тех, кто любит Тебя всем сердцем своим. Услышь молитвы наши, Господи. Не оставь нас, не покидай нас, приди нам на помощь».

Когда я босоногий, замерзающий, месил грязь, свой крест, дар великомученицы Марии Огненной, носил на груди, на завязке вокруг шеи. Иногда запускал я руку под драную военную гимнастерку и стылыми пальцами прикасался к нему, ощущая, как из него исходит небывалая сила, укрепляющая мою Душу Черные тени смерти склонились над нашими головами. Я видел, как мои товарищи по несчастью едва тащатся, обессиленные. Я смотрел на Неделько Дунича из Негришори, села под горой Овчар, известного скотовода, как он еле передвигает ноги, на Петра Джуракича из Зеоке, хорошего садовника, что занимался прививкой растений, Живоина Елушича из Граба, кузнеца, который подковывал коней и волов, Атанасия Милекича из Доня-Кравaрица, что с тремя братьями ушел на войну, Марисава Оцоколича из Лисы, бондаря, который делал бочки и кадушки, каких больше не было во всем Драгачеве, Радосава Ячимовича из Тияня, плотника, построившего много домов в наших краях, Николу Кованович из Рогачи, весельчака и лучшего танцора коло, Живадина Скелича из Рти, что играл на

волынке на свадьбах и ярмарках. Смотрел я на них, похожих на привидения, в недавнем прошлом гордых, порядочных и уважаемых людей, ныне превратившихся в ничтожных рабов. И спрашивал себя, в чем же наш грех? Не в том же, что мы взялись за оружие, чтобы защитить отчий дом? Что дерзнули противостоять тем, кто сильнее нас? Оставили нивы и виноградники, жен и детей, семейные иконы и устремились на путь страданий и отчаяния.

Воздыхания наши были пищей нашей. Не было у нас ни покоя, ни отдыха, ни хлеба, ни утешения. Я наблюдал, как метель и мгла проглатывают долгую колонну пленных, которой нет ни конца, ни края. Когда мы подошли к Лютоглаве, разразилась такая снежная буря, что мы, изнемогшие, попадали. Сопровождающие нас шипели от злости и били нас прикладами. Своими глазами я видел, как избивали молодого Еремия Проковича из Турицы только за то, что не смог подняться. И, полумертвого, швырнули его на телегу к мертвецам.

В мои дырявые солдатские ботинки набилась грязь и чавкала между пальцами, а дрожь пронизывала от головы до пят. Колени наши подгибались, а вокруг слышались крики наших гонителей. Мука наша с земли поднималась, когда милость Божию мы с небес ожидали. Только надежда на Всевышнего нас, несчастных, поддерживала. Я услыхал, что некоторые из наших мучителей говорят по-сербски. Кто эти предатели рода нашего, которых мать вскормила сербским

молоком? Те ли это, что стали служить иноземцам и своим собратьям причинили великое зло, сжигая их дома, бесчестя наших матерей, жен и сестер? Видят ли они наши муки и не обуревает ли их страх за содеянное? Однажды за все им пред Всевышним держать ответ и по Божьей справедливости получить за грехи свои. Не допусти, Господи, чтобы их помыслы воплотились в дела.

От Призрена до Приштины гнали нас целый день и половину ночи. Под завесой мрака, сквозь метель, лишь только фонари светятся в руках охранников. Скрипят повозки, полные мертвых и полумертвых сербов, а колеса увязают в грязи по ступицу, застревают, так что их кони и волы еле тянут.

В Приштину прибываем в полночь. Нас сгоняют в лагерь, опутанный колючей проволокой, как скотину в загон. Каждому выдают порцию похлебки из репы с редким кусочком картошки, какую даже наши свиньи не стали бы есть. Хлебаем вонючую жидкость, лишь бы согреть хоть немного пустые желудки, а она на холоде уже в руках остывает. Заледеневшими челюстями невозможно жевать. Держат нас под открытым небом, с которого сыплется снег, и мы превращаемся в белые статуи. Жмемся друг к другу, как овцы, чтобы хоть немного согреться, а все равно остаемся ледяными.

Ранко Стеванович из Горачича спрашивает меня, что с нами будет, а я ему отвечаю: будет, что суждено. Мы потеряли уже нескольких друзей, они умерли, и бросили их в овраг, а может в повозку, если там еще было место. Не видно Райко

Штавлянина из Толишницы, Янко Драшковича из Мочиоцев и Градимира Тайсича из Пухова, сильные были ребята, но не выдержали этот жуткий путь.

Дух мой еще крепок, а вот силы изменяют. Как там сейчас дома, спрашиваю себя. А вдруг наши дома охвачены огнем? Знаю, что сердце матери моей трепещет, надорванное болью. Мужа и двоих сыновей она уже потеряла. Настало гибельное время, и наши жизни стоят сейчас не дороже собачьих.

Снег перестает, но ледяной ветер пронизывает нас, насквозь промокших, до самых костей. Сон меня одолевает, и я на мгновенье засыпаю, прислонившись к капралу Йовану Станковичу и Ранко Стевановичу из Горачичей. Соприкасаясь плечами в виде треугольника, мы похожи на опору для сена на драгачевских пастбищах. Теснота, как в банке с сардинами, даже при желании невозможно улечься в грязную лужу. С фонарями в руках и ружьями на плечах вдоль проволоки прохаживаются охранники. Я понимаю, что и им нелегко, им тоже хочется спать. Но им хотя бы не холодно, они сыты, одеты в теплые мундиры и шинели. Каждый час сменяют друг друга. И все же именно они упали в грязь бесчеловечности, а мы остались стоять. Нам есть на кого опереться, а им?

Я не сплю и стою прямой, как кол, не шевелюсь, чтобы не упали Ранко и Йован. Со вздохом открываю рот, словно молю о весеннем дождике. Подыхаем мы в Приштине, где когда-то после боя лютого лежало обезглавленное тело вели-

комученика князя Лазаря. И слышу я клич тех святых ратников, что храбро погибали в страшной битве с дикими турецкими племенами. Я слышу звон их мечей и ржание коней. И боевые возгласы. Околеваем мы на этом святом месте, где случилось обретение головы князя Лазаря, погибшего за спасение Отечества. И сквозь тьму вижу сияние пресвятой его головы, что подобно звезде светит через столетия.

На заре открывают ворота и прикладами нас выгоняют. Куда? Что будет с этими честными простыми людьми, в большинстве крестьянами, что до вчерашнего дня мирно пахали свои поля, пасли свои стада, справляли семейные праздники? Об этом расскажут дни, которым еще предстоит наступить, с нами или без нас. Сможем ли мы из своих могил, разбросанных по всей земле, поведать истину?

Трогаемся. Кто-то обернул ноги тряпками, кто-то идет в носках, а кто-то – босиком. Я бос. Мои ботинки вчера отобрали, видно, решили, что они достаточно хороши для их солдат. Что это за государство, если своих бойцов не может обеспечить обувкой, отбирает у пленных? Ноги мои окоченели, бьет дрожь. Сколько я смогу выдержать? Многие больны тифом и едва тащатся. Офицеры их быстро выхватывают из колонны, они навсегда исчезают с наших глаз. Не знаю, что происходит с ними дальше, вероятно, их оставляют на обочине подыхать, подобно больным животным. В повозки определяют только тех, кто не подхватил страшную болезнь. Их доктор проверяет нам глаза, язык и губы, не посинели

ли. Я вижу, как уводят Странна Плазинича из Губеревцев и Джурдже Сретеновича из Турицы. Больше мы их не увидим.

Рядом со мной шагает капрал Йован Станкович из Горачичей. Жалуется, что у него температура, хотя никаких других признаков тифа не видно. Советую ему молчать об этом, ни с кем не делиться, а то отправят в путь без возврата. Убеждаю его, что это всего лишь простуда.

Справа от дороги видим надгробный памятник Мурату на Газиместане. Могила одного из тиранов, что на нашу землю веками накидывались и множество своих костей оставили на наших полях. Гляжу на славное деяние славного сербского воина Милоша Обилича[3], чья рука не дрогнула в судный миг, вечная память роду его.

Идем к Вучитрну вдоль реки Ситницы, когда-то переполненной кровью и сербов, и душманов. Смотрю на наших верховых конвоиров, наглых, немилосердных. Какое зверье плодится в их душах? Где те ямы, норы и берлоги, откуда веками они лезут на нас?

Усталость убивает меня, болят все кости, а ведь я так молод, в расцвете жизни, всего восемнадцать лет! Молча прошу о помощи, воздевая очи к небесам.

Оттуда, с церковной кафедры, смотрит ли на нас Всевышний, свидетель мучений наших? Видит ли он, что происхо-

---

[3] *Милош Обилич* – персонаж сербского фольклора, заколовший турецкого султана Мурата.

дит с нами? Мне стало стыдно от своих вопросов. Как смею я сомневаться в милости и доброте Господа.

Сунув руку за пазуху, прикасаюсь к кресту. И вспоминаю слова, с которыми когда-то во сне обратилась ко мне пресвятая Мария Огненная: «Нигде и никогда с ним не разлучайся»… Они дают мне новые силы и желание выжить.

Пространство наших страданий движется с нами, а межи страха пред нами сдвигаются. Проходим Вучитрн и идем к Митровице, все так же вдоль Ситницы. Тень смерти все больше сгущается над нами, падаем, изнемогшие. Я вижу, как упал Жарко Маринкович из Придворицы, не может идти дальше. Он бос, ноги посинели, скорчился на снегу. Тщетно Марко Вукосавлевич, Йоксим Живкович и я тащим его, чтоб швабы не увидали. Поднимаем его, а он снова падает. Подходит офицер и сильно бьет и его, и нас. Плетка, извиваясь, впивается в наши исхудалые тела. Офицер жестом дает знак двоим конвоирам унести бедолагу, они же, на чистом сербском матерясь, хватают его за ноги и за руки, словно дохлое животное, и, убедившись, что у него не тиф, швыряют на повозку. Из повозки торчат руки, ноги, головы мертвых и полумертвых. Больше мы Жарко никогда не видели. Упокой, Господи, душу его, как и всех других.

По дороге навстречу нам бредут, сбившись в группы, мужчины и женщины, которые последними решились на бегство. Первые дни и недели беженцы текли рекой, частью я сам это видел, а что-то узнал позднее. Перепуганный народ искал

спасения от душманов, а находил смерть в албанских ущельях. Заприметив швабов, нас сопровождающих, народ прячется по лесам и зарослям. Нет ли среди них людей из нашего края, спрашиваю себя. А вдруг это мои родные? Слежу за тем, как они разлетаются, словно стая перепелок при появлении кобчика.

Приближался праздник, день святого великомученика Георгия, а стужа все сильнее давила на сербскую землю, снег покрыл холмы и долины. Возле Звечана на высокой округлой верхушке горы виднеются стены старого города, где когда-то давно насильственной смертью погиб король Стефан Дечанский, в церковном календаре святой Мрата. Поворачиваюсь в ту сторону и украдкой крещусь. Это же делают и некоторые рядом со мной.

Входим в ущелье Ибара. Изголодавшись, по дороге выковыриваем зерна из помета, чистим и кладем их в рот, эти зерна остались от коней и волов, которых гнал перед собой бегущий народ. Грызем зернышки по одному и ощущаем запах (не вонь!) наших далеких хлевов и сараев. И чудесное тепло заполняет мне душу. Не видя ничего, белым днем, будто ночью, качаемся, боясь упасть, чтобы не швырнули нас в ров или в повозку с мертвецами. Печальных песен не поем, сердцу роптать не позволяем.

У Ибара сшибает с ног ледяной ветер. Высокие горы смыкаются над нашими головами. Внизу под дорогой рокочет взбесившаяся река, во многих поэмах воспетая. В воде вид-

неются сломанные крестьянские и военные повозки, пушечные лафеты, мертвые волы и лошади, сундуки для боеприпасов и сундуки для девичьего приданого. Над нами, кружась, каркают стаи огромных птиц с голыми шеями и длинными клювами. Чувствуют смерть в нас и вокруг нас, смерть, которую мы несем на своих плечах, словно свадебные дары драгоценные, с которыми никак не хотим расстаться.

Возле Ибара, доктор, застала нас ночь. А я не сплю, но вижу во сне камень под головой, на котором бы мог прикорнуть. Голодный, вижу во сне корзинку белого хлеба в руке моей матери Даринки и теплую печь, у которой я мог бы согреться. В полночь останавливаемся, чтобы немного отдохнуть, так как и наши погонщики уже не выдерживают. Улеглись на ошметках соломы, которую надергали из огромного стога. Рядом поставлена сильная стража, как будто тени людей могут сбежать. Дали нам по куску сухаря и ломтику мяса. Ровно столько, чтобы не помереть с голоду. Мы закопались в солому, словно свиньи в берлоге.

Капрал Йован лежит рядом со мной, по-прежнему с температурой. Вижу, что страшная болезнь все больше им овладевает, но ничего ему не говорю. Боюсь, что завтра он не дождется вечера. Рядом со мной и Сретен Котурович из Дони-Дубаца. Протягивает мне мерзлое яблоко-дичок, которое где-то нашел. Грызу и ощущаю во рту кислинку и запах наших садов и плетней, у которых растут дикие яблони. Сквозь ночь мерцают фонари, а за ними виднеются фигуры с ружья-

ми на плечах, наши охранники. Большинство мучеников заснуло. И у меня веки смыкаются. В полусне слышу крики ночных птиц, они призрачно отдаются эхом от стен глубокого ущелья. Снег вновь начинает кружить, а мы все глубже зарываемся в солому. Если бы мы могли оставаться здесь и никогда не дойти туда, куда нас гонят! – думаю я.

На рассвете трогаемся. Оглядываюсь и в соломе вижу мертвого Светолика Матовича из Пухова. За руки и за ноги его несут куда-то, может, чтобы бросить в глубокую реку. И правда, туда его и бросают! Но не только его, бросают еще с десяток умерших этой ночью, вижу, как раскачивают Бошко Поледицу из Трешневицы, перед тем как швырнуть его вниз. Капрал Йован еле стоит на ногах, мы его поддерживаем.

Проходим через Полумир, где когда-то Святой Савва над мощами отца своего примирил братьев Стевана и Вукана, когда земные останки Симеона Мироточивого переносил со Святой Горы в Студеницу. Украдкой крестимся, чтоб не заметили охранники.

Через два дня прибываем в Крагуевац. На улицах его ад. Они напоминают скошенное жнивье, везде лежат тифозные больные, вперемешку с мертвецами.

Много людей на крестьянских телегах, полно солдат. Тащимся по улицам и доходим до городской больницы, где застаем настоящую давку. Толпы людей ищут докторов и лекарства. Какие доктора, какие лекарства? Вся Сербия заражена, ни мышь в норе, ни птица на ветке не чувствуют себя

в безопасности. Швабы останавливают нашу колонну, наш полк, вернее, то, что от него осталось, а осталось немало. Смерти еще только предстоит иметь с нами дело. Останавливаемся на улице рядом с больницей и видим, как некоторые офицеры заходят в нее. Может, за лекарствами, и среди них есть больные. Некоторые из наших умирают прямо на крагуевацкой мостовой. Капрал Йово умирает у меня на руках. Умирает возле кофейни «Палигорич», я это хорошо запомнил, так как подле нее был настоящий морг под открытым небом. Смерть Йована глубоко потрясла меня, мы были знакомы еще до войны. В последние дни от Призрена до Крагуеваца делили мы общие муки и каждое зерно кукурузы из навоза, каждый корешок растений, которые мы из-под снега выдирали. Он был чудесный человек и храбрый воин, а как капрал был родным отцом для своих солдат. Умирал в страшных мучениях, как и все тифозные. Последние его слова были: «Сообщи моим…» Последний вздох испустил, окруженный солдатами из Драгачева, для которых он был командиром и которые ему (в отличие от других капралов и начальников) были благодарны за человеческое отношение. Поскольку в тот момент рядом с нами не было швабов, я вбежал в кофейню и принес воды, чтобы смочить ему пересохшие губы. А когда он испустил дух, использовал возможность отслужить короткое отпевание. Из-за пазухи вытащил я крест и в сопровождении солдат, которыми он командовал (я помню, что это были Богдан Главонич из Вичи, Сава Ви-

торович из Кривачи, Урош Бежанич из Властелицы и еще кто-то), затянул: «Помолимся за упокой души раба Божьего Йована, да простит его Господь…» И так далее. Кто-то пел вместе со мной, кто-то плакал. Посреди отпевания, когда слова наши звенели на улицах, заполненных мертвецами, налетели швабы и велели нам замолчать.

Затем собрали трупы и приказали нам погрузить их на телеги, которые кружили по улицам. Их увезли, куда – неизвестно. Последнее, что я видел, – как свисает с повозки голова Йована и качается, словно кивая нам на прощанье.

Я должен сократить свой рассказ, доктор. Если продолжу по-прежнему, никогда не дойду до конца. От Крагуеваца мы двинулись по направлению к Тополе. Швабы по дороге приказывали крестьянам из встречных сел (женщинам, мужчин не было) запрягать скотину и везти отставших и ослабевших, которых было все больше и больше.

Как только мы прибыли в Опленац, с холма зазвучал колокольный звон из недостроенной королевской церкви, приветствуя сербских пленных. Я обернулся в ту сторону и перекрестился. В Младеновце нас загнали в поезд и повезли в Смедерево. От Призрена до Смедерева мы тащились двенадцать дней и двенадцать ночей. Заключили нас в крепость города деспота Георгия и Проклятой Ерины. Здесь, под открытым небом, на лютом холоде, мы провели много дней и ночей, здесь смерть собрала свою великую жатву.

Был это сборный лагерь для сербских военнопленных, ко-

торых мы тут застали множество, счет шел на тысячи. Ноги у меня были обморожены, поэтому вместе со многими другими я был доставлен в пожаревацкую больницу, где мне без наркоза отдирали обмороженное мясо. Через несколько дней нас вернули в Смедерево.

Там мертвым привязывали камень на шею и скидывали в Дунай, а выброшенные на берег трупы клевали птицы.

В эти дни среди нас вдруг появилась какая-то девушка. Никто не знал, откуда она взялась, расспрашивала о своем брате. И ведь нашла его! Звали его Михайло, из села Губеревцы возле крагуевацкой Рачи. Тот парень вскоре сблизился со мной, потом вам объясню причину.

Здесь мы оставались до сербского Нового года, до дня святого Василия Великого.

Затем нас швабы передали болгарам, еще одним нашим мучителям. Нас загрузили на суда и повезли в новое рабство. Но это уже, доктор, следующая история, которую расскажу вам завтра. Сейчас мне необходим отдых, эти рассказы меня утомляют.

* * *

Доктор, прошу вас, включите запись, надо вспомнить, на чем я вчера остановился. Ах да! Болгары на смедеревской пристани погрузили нас на три суденышка и повезли вниз по Дунаю к Черному морю. Судно, на котором плыл я, назы-

валось «Царь Симеон». На открытой палубе, где негде спрятаться от ледяного ветра, с корочкой хлеба в день, мы были обречены на медленное умирание.

И вот чудо, во всей этой сутолоке с нами на корабле оказалась и та девушка, сестра Михайло. Только по прибытии в Кладово, где была остановка, на борт поднялись новые болгарские офицеры и ее заметили. Как увидели женщину среди пленных, взбесились! Велели ей немедленно сойти на берег, но она и слышать не хотела о том, чтобы расстаться с братом. Душераздирающая сцена: сестра, рыдая, судорожно вцепилась в брата. Еле удалось отогнать ее прикладами и высадить на берег. Через два дня и одну ночь плавания мы увидели Черное море.

Было это в ночь Богоявления, 6 января (по старому стилю) 1916 г. Тут разразилась непогода, море словно сошло с ума. Горы морской воды обрушились на нас, нас качало, как ореховые скорлупки. Корабли с живым грузом трещали и кренились. Перед силами небесными многие упали духом. Мокрые до нитки, мы падали под ударами волн и ползали по палубным доскам. Кто-то свалился в море, утонули Тодор Плазинич из Губеревцев и Теодосий Вуич из Брусницы. И все это произошло в ночь, когда Господь является людям, когда раскрываются небеса, чтобы осыпать их милостью своей. А мы воздевали руки к небу и восклицали: «Уповаем на тебя, Господи, в эту святую ночь спаси нас, рабов Твоих…» Ночь была черной, как смола, никто никого не видел. Слы-

шались только удары волн и крики людей. Мучители и мученики падали вместе, немощные перед стихией. И тогда случилось чудо невиданное: в молитве о спасении душ своих объединились палачи и их жертвы! Болгары и сербы, два народа одной веры, такие близкие, но кровью разделенные. В страхе перед концом все мы запели молебствие Пресвятой Богородице:

Пресвятая Богородица! Спаси нас!
Смилуйся над нами и помилуй нас.
Освети наш путь и светом
Своим озари нас…

Главными певчими были я и Михайло из шумадийского села Губеревцы, который в мирное время был дьяконом. Те, что нас до сих пор били смертным боем, сейчас нас приняли как своих братьев и запели с нами на том же богослужебном языке. Отбросили ружья и палки и приняли нас в объятия. Пение наше поднималось к мрачным небесам, а ветер рвал наши голоса. Мы словно оказались в другом измерении. В часы ужаса призывали мы Матерь Божью сквозь немыслимый ветер. Колыхались на водах смерти и глядели ей глаза в глаза. Некоторые в страхе падали ниц и становились на колени, как перед святым распятием. Всем нам грозила одна опасность – стать душами утопленными.

В голове моей, доктор, пронеслась вся моя молодая жизнь. Хотя я сознавал, что смерть, присущая человеку, да-

на ему от Бога, я вспоминал все свои радости, горести и надежды. Мы продолжали петь, мы двое запевали, а остальные подхватывали, пока проклятые корабли, как жеребцы, становились на дыбы, трещали и стенали. При этом несколько душ сразу отправлялось в мрачные глубины.

Кормчие делали все, чтобы направить корабли в любую ближайшую гавань, но невидимая всемогущая рука возвращала их в пучину. Я пытался страх превратить в равнодушие, но мне это не удавалось, ведь и я всего лишь простой смертный, беспомощный перед силой небесной.

И вновь, доктор, случилось чудо: море начало затихать, а ветер ослабевать. Богородица услышала наши мольбы! Но Михайло и я продолжали петь, остальные нам вторили. Начало дня мы встретили как привидения в человеческом облике. Промокшие, мы дрожали от холода зимней ночи, перерождающейся в день. Все еще не было известно, сколько человек утонуло из числа пленных и конвоиров. Корабли продолжили свой путь, и в предвечерние часы мы вошли в порт Варны. С моря мы увидели большой город, расположенный полукругом вдоль залива.

Мы сходили на берег, не зная, что прибыли к месту новых страданий, где останутся кости многих из нас. Я стараюсь, доктор, не искажать истину, но боюсь, что не смогу передать то, что нам далее пришлось пережить. Тех, кто не мог идти, погрузили на носилки. Лагерь был далеко от города, на равнине вблизи морского берега. Он был окружен колючей

проволокой и смотровыми вышками, какие мне еще не раз предстоит встречать в своей дальнейшей жизни. Мы прибыли на место, в котором страдания и смерть станут неприкосновенными хозяевами нашей судьбы, в котором наша жизнь потеряет всякую ценность.

Нас раздели и поставили под душ с холодной водой. Отобрали всю нашу одежду, и в первый раз мне пришлось расстаться со своим крестом. Я попросил Живана Зелевича из Тияня подержать его, пока я моюсь. Но он отказался из страха, что болгары его обнаружат. Я просил остальных, но не нашлось достаточно храбрых. Тогда я спрятал его под порогом перед входом в большое помещение с душем, пока никто не видел. Так мне удалось сохранить крестик.

Наши лохмотья нам вернули и распределили нас по ледяным баракам. Выдали по тонкому одеялу и по подстилке для ночевки на дощатом полу. Ночью мы слушаем грохот моря и завывание ветра, дрожа от холода. В бараках сквозняки гуляют со всех сторон, пробирая нас до костей. Душа так устала, что я проваливаюсь в сон. И сразу во сне вижу матушку. И идем мы вдвоем через какое-то пустое поле, я – мальчишка десяти-двенадцати лет, а она еще молодая, тридцати с небольшим. За ухом у нее цветок левкоя выглядывает из-под платка. Я несу в руках могильный деревянный крест. И так мы подходим к какому-то большому водоему, и мама ступает в воду. И идет все дальше и дальше. Я начинаю плакать, а она кричит, что вернется, как только на могиле брата моего

зажжет свечу. Я бросаю крест в воду, он доплывает до нее, а она выходит на другой берег и забивает тот крест в землю. Как только сделала это, она принимает облик святой с нимбом над головой и поднимается к небесам.

Еще как-то раз я увидел во сне свой участок на Волчьей Поляне. Мне приснилось, что на месте развалин я построил небольшую церковь. И в какой-то праздник я веду богослужение, а внутри вместо верующих передо мной стадо овец. Вдруг в церковь врываются вооруженные люди, и начинается бойня, храм заполняет блеяние гибнущих овец. Меня, скрытого за алтарем, злодеи не замечают, а барану, вожаку стада, отрезают голову и кладут ее на святой алтарь. Отрезанная баранья голова начинает блеять, это блеянье подхватывают остальные овцы. И вдруг в один момент все это превратилось в пение хора священников, а колокольчик на шее у барана зазвонил, как церковный колокол. Злодеи начинают богобоязненно молиться и один за другим мирно выходят наружу.

Вот такой сон, да простит меня Господь, мне приснился в ледяном бараке. Из-за плохого питания и простуды у всех поголовно начался понос. В каждом бараке было всего по две параши, дошло до настоящего столпотворения вокруг них. А кто уселся, тот долго не встает. В результате многие оказались обгаженными. Таких надзиратели стегают кнутами до крови. Как будто мы виноваты, что не хватает отхожих мест.

В каждом бараке десяток помещений с номерами. Я был в шестом номере, а все мы, как змея огня, боялись номера

семь, оттуда была прямая дорога к смерти. Каждое утро перед зданием комендатуры происходит перекличка пленных. Все, кто мог стоять, обязан был быть в строю. Перекличка тех, кто не мог стоять, проходила по комнатам и сопровождалась избиением.

От страшного холода снаружи мы все тряслись. Зима 1916 года выдалась жестокой. Комендант лагеря по имени Атанас Ценков был здоровенным детиной с черными курчавыми волосами, всегда хмурый. Все его боялись как огня. Стоит ему появиться со своей свитой, и кровь сразу же стынет в жилах. Во время переклички он всегда держал в руках кнут, сплетенный из телячьей кожи. Прохаживается он так перед строем и вдруг остановится перед каким-нибудь заключенным, и наступает тишина перед бурей. В упор уставится в глаза человеку, это был его ритуал перед началом экзекуции. Затем делает знак своим сопровождающим, кого им вывести из строя, и начинает избивать несчастного, пока тот не упадет, обливаясь кровью. Когда чудовище насытится чужими мучениями, он приказывает отвести арестанта в помещение номер семь. Однажды этим путем исчезли после избиения Сибин Йорович из Живицы, Никифор Вукайлович из Губеревцев и Миленко Еринич из Горачичей. Больше мы их никогда не видели.

Однажды утром во время переклички он остановился передо мной. Мы стояли и смотрели в глаза друг другу, палач и жертва. Я не опускал взгляд, без страха глядя в его звериные

глаза, перед которыми все дрожали. Я, восемнадцатилетний Йован, стоял перед кровопийцей, которому всегда было мало сербской крови. Пара секунд превратились в вечность. Я все время чувствовал свой крестик на груди под лохмотьями, я надеялся на него. Я молился Господу, и свет Его озарял мою душу и вливал надежду. Было мне восемнадцать лет.

Я только вступал в жизнь, хотелось еще пожить. Глядя на меня, палач кнутом постукивал по сапогам, словно напоминая, что истекает мое земное время. Мне было жаль его, ведь он допустил, чтобы темные силы завладели его душой. Он оказался на самом дне колодца бесчеловечности. И я себя чувствовал сильнее его, хотя он и мог убить меня в любое мгновенье. В эти минуты я достиг вершины набожности в своем молчании. Молчал и он, но не из набожности, а от страха за свои преступления. Еще разок стукнул по сапогу и продолжил далее. Выбирал другую жертву, а меня решил оставить на будущее. Спасение меня не радовало, ведь вместо меня должен был пострадать кто-то другой. Он остановился перед Илией Габоровичем из Негришор, недолго на него смотрел – кнутом приказал выйти из строя. Этого парнишку я хорошо знал, и было мне так тяжело, словно это меня ожидают страшные мучения. Атанас Ценков как орел набросился на Илию, избивая его кнутом и ногами. Бил, пока тот не упал, а затем велел унести. И больше мы никогда его не видали.

Вам пора идти? Доктор, вы не стесняйтесь, предупре-

ждайте, сколько можете оставаться, чтобы слушать старика, я ведь понимаю, у вас свои обязанности. Я-то никуда не спешу. Это, вероятно, последняя станция на моем земном пути, я не тороплюсь, вот только бы успеть закончить этот рассказ.

* * *

Что вам сказать? Мне немного лучше, но боли еще есть. Похоже, ваша терапия на какое-то время продлит мою жизнь, хотя границу, отпущенную мне Богом, я не смогу перешагнуть.

Вернемся в лагерь под Варной. Погибших бросали в огромную яму за чертой лагеря, посыпали их известью и заваливали землей. Но трупы были зарыты неглубоко, и собаки стали их выкапывать по ночам. Слышно было, как они скулят и грызутся за сербские руки, ноги и туловища. Когда я слушал это, сердце сжималось в комок от гнева и боли. Будет ли конец нашим страданиям? – спрашивал я себя.

Потом нас, заключенных, отправили копать глубокие ямы и перебрасывать туда тела. Кости наших друзей, которые в свои лучшие годы приняли мученическую смерть. Эти массовые захоронения собаки уже не могли раскопать, и их лай по ночам прекратился.

Той зимой выпало много снега. Лагерь был завален сугробами, и мы должны были их разгребать и чистить территорию. Было много холодных дней, когда мы замерзали во вре-

мя работы, а охранники стояли возле нас в толстых теплых тулупах. А тех, кто не выдерживал и падал, били немилосердно.

Временами какое-то странное равнодушие к собственной судьбе овладевало нами, в минуты отчаяния человек смиряется со смертью, видя в ней единственное спасение. В конце той первой зимы в лагере случилась вспышка сыпного тифа, хотя и до этого в 1915-м он встречался в Сербии. Болезнь со страшной силой обрушилась на лагерь с несколькими тысячами военнопленных. Меры, предпринимаемые администрацией лагеря, были не в состоянии остановить распространение болезни, умирали и их люди тоже.

И когда уже не знали, что делать с тифозными, им в голову пришла ужасная идея: запирать больных в большом старом здании за территорией лагеря.

А чтобы мученики побыстрее умирали, им не давали еды и воды. Многие двинулись умом, кончаясь в нечеловеческих муках. Ночью из этого здания доносились страшные вопли и стенания обезумевших людей. Там лишились жизни и некоторые из нашего края, чьих имен уже не могу вспомнить.

Слышно было, как в сумасшествии и агонии оттуда выкрикивают: «Да здравствует король Петр! Да здравствует Сербия!» Лагерную комендатуру и охранников это бесило, но из-за страха перед заразой никто из них не смел туда войти. Потом рассказывали, что несчастные, измученные голодом и жаждой, пожирали друг друга. Набрасывались сосед

на соседа, брат на брата.

Весной 1916 года в день Сорока святых мучеников я заболел тифом. Коснулся порога собственной гибели. Ноги мои подкосились, и я свалился в жару. Из-за поноса началось обезвоживание, а из пустого желудка нечему было выйти, кроме слизи. Ночью я был грешным исповедником перед затемненным небесным алтарем. Игра со смертью, думал я, была моей последней земной игрой. Я ожидал, что и меня отправят в страшный дом, но этого не случилось.

Палачи придумали новый способ, как расправиться с нами. Теперь больных не запирали в дом, а грузили по семь, по восемь в лодки. Лодки крепили к буксирам и вывозили в открытое море, где и оставляли нас подыхать мокрыми, без пищи и воды. Так началось наше медленное умирание над бездонными глубинами синего моря, которому предстояло стать нашей могилой.

Со мною в лодке было еще шестеро: Драгомир Арсович из Каоны, Михайло из Рачи, Обрад Айдич из Лиса и Драгован Бралович из села Праняни.

Сразу же нас отнесло так далеко в море, что берег едва виднелся. Людей охватила паника от бескрайней воды вокруг, в родных краях им не доводилось видеть ничего подобного. Весел у нас не было, управлять лодкой мы не могли, предоставленные ветрам и течениям.

В лунном свете вблизи и вдали виднелись лодки, полные сербских военнопленных, обреченных на страшную смерть –

умирать, как больные собаки. Здесь, под чужим небом, плыли тифозные навстречу собственной смерти, которую призывали, чтобы поскорее освободиться от мук.

Я смотрел на черные точки, рассыпанные по бескрайней водной глади, словно стадо по нашим горным пастбищам. А в утлых лодчонках – умирающие, которых не принимают ни небо, ни земля, а только вода. Из нас семерых в худшем состоянии были Обрад и Драгован, они уже были в объятиях смерти. На рассвете послышалась ружейная пальба. Кто бы это здесь, среди синего моря, стрелял в кого-то? Может, в лагере расстреливают наших друзей? Но лагерь слишком далеко, оттуда выстрелы не слышны.

И тут сквозь туман вдалеке мы заметили у самого берега еле видные две-три лодки, по ним-то и вели огонь. Мы поняли, в чем дело: береговой патруль обстреливает те лодки, которые приближаются к берегу! Не пускают назад ни живыми, ни мертвыми. Выходит, если нас прибьет к берегу, и по нам откроют огонь. Я сказал об этом своим товарищам, но те, кто был в предсмертной агонии, меня уже не слышали.

Значит, наши плавучие гробы земля больше не принимает! Но на направление движения мы не могли повлиять, вода нас несла помимо нашей воли. Пальба до нас все еще долетала. Мокрые, озябшие, а некоторые в жару, мы тряслись на ветру. Перед нами было две возможности: скончаться в лодке или погибнуть от пуль. Выбрать свою смерть мы не могли. Этот дрейф проклятых лодок по волнам Черного моря даже

сейчас, по прошествии стольких лет, доктор, живет во мне как самое страшное воспоминание.

На наших глазах, которые уже не были уверены в том, что видели, рождался новый день. Красный круг солнца выныривал из морских глубин, пучина переливалась и трепетала под его светом, море стало алым, словно напитанным кровью. Все это я примечал, так как был в лучшем состоянии, чем остальные.

В тот первый день испустил дух Обрад Айдачич, крестьянин из Лиса. Ужасно мучился, как и все тифозные больные. Весь горел, в бреду звал своих родных.

Нет, мы не стали. Зачем нам было его выбрасывать? Я рассчитал, что когда в лодке не останется живых, она, вероятно, перевернется или ее выбросит на берег. И следующей ночью сияла луна, а число лодок вроде бы увеличилось, видно, все больше больных отправляли в море. Мы вдруг заметили, что одну лодку морское течение несет прямо на нас, все ближе и ближе. Когда она была совсем рядом, мы увидели, что в ней сидит только один человек. Он вроде бы нас не замечал, хотя между нами было не больше десятка метров. Дьякон Михайло его окликнул и спросил, почему он один, а тот будто не слышит и голову к нам не повернул. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Гребя руками как веслами, мы попробовали подплыть поближе, это нам удалось. Две лодки мертвецов соприкоснулись, стукнувшись одна о другую.

– Дружище, ты почему один? – спрашиваем его.

– Да потому, что все умерли, – простонал он голосом, в котором было больше смерти, чем жизни.

Человек рассказал нам, что в лодке их было не меньше десятка, по морю их носит уже три дня и три ночи, и все, кроме него, поумирали один за другим. И вдруг он издал громкий крик, от которого пучина содрогнулась:

– Мама! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Я хочу к тебе, мама!

Мы переглянулись. Ясно, что несчастный тронулся умом, это случалось часто с тифозными больными. Был он молод, не больше двадцати лет, крупный, но сейчас походил на живой скелет.

– Откуда ты, брат? – спросил его дьякон Михайло.

– Из Сербии, – процедил он сквозь зубы.

– А из какого места?

– Из самого красивого на свете.

– Давай мы перетащим тебя к нам, – говорим ему.

Ухватили его лодку и притянули к нашей.

Я шагнул и увидел в его лодке мертвецов, с вытаращенными глазами и открытыми ртами, синие и раздутые они лежали друг на друге. Их было больше, чем нас. Единственного живого я схватил за руку и велел, чтобы переходил к нам, а он на это ударил меня по лицу и закричал:

– Вон из моего дома! Не трогай моих братьев!

Я отскочил и вернулся в нашу лодку, мы решили оставить его в покое и предоставить парня его судьбе. Оттолкнули его

лодку от нашей, и течение унесло ее вдаль. Она уплывала все дальше и дальше. И вдруг человек этот замахал руками и завопил:

– Не отпускайте меня! Чудовища меня сожрут!

Его голос едва достигал наших ушей.

– Что будем делать? – спросил один из нас, кто еще мог говорить.

– Нет ему спасенья, так же как и нам, – сказал Неманя.

– Братья, не по-людски и не по-христиански оставить его без помощи, – проговорил Михайло.

– Пусть каждый идет своим путем к своему печальному концу, – опять сказал кто-то. – А вы двое, если хотите, можете перейти к нему в лодку, и плывите вместе.

На это все замолчали. Сказать было больше нечего. Когда люди на пороге гибели, им не до жалости к другим. Каждый из нас смотрел прямо в зрачки своей смерти. Крики с той лодки доносились все слабее.

Я пожелал ему, чтобы Господь как можно быстрее принял его в небесном приюте.

А нашу лодку волны все дальше уносили от берега, и я подумал, что, может, нас отнесет к Турции или к России. И там нас выбросит на пустынные скалы. И наши трупы, когда все мы умрем, огромные птицы будут клевать день за днем, каркать, растаскивая наши кишки из утробы. И выклюют наши молодые глаза, которые еще не нагляделись на белый свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.